

Правовое значение Манифеста 17 октября

Проверено 1957 г.

1905 года

ВЕРСИЯ
СЕРПЕНЬ 1920 г.

Въ эпоху величайшей европейской войны, тяжкаго испытанія и напряженія государственной мощи и общественныхъ силъ Россіи, исполняется десятилѣтіе манифеста 17 октября. Изданный въ двѣ тяжелыхъ переживанія вѣдшихъ неудачъ и народныхъ волненій, возникшихъ на почвѣ политическихъ и социальныхъ стремленій, народныхъ массъ, манифестъ несъ умиротворяющую благовѣстѣ объ обновленіи государственной жизни Россіи на началахъ правового государства: «Повелѣвъ надлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчиства и насилій... Мы для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства. На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной нашей воли¹⁾: 1. Даровать населенію неизблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ. 2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соответствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ за симъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку. 3. Установить, какъ неизблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій постановленныхъ отъ насъ властей»... — Подавляющая часть населенія встрѣтила ма-

¹⁾ Разрядна вездѣ наша.

нифестъ восторженно. Огромное политическое значеніе этого акта Верховной власти, предпрѣдѣлившаго въ столь категорической формѣ («выполненіе непреклонной нашей воли») поворотъ государственной жизни Россіи на путь конституціонныхъ началъ гражданско-политической свободы и дѣйствительнаго участія народа въ государственномъ строительствѣ, сознавали не только сторонники коренной реформы нашего государственнаго строя, но и тѣ немногочисленные, хотя и вліятельныя общественныя группы, коихъ интересы и политическія воззрѣнія и симпатіи, или только боязнь крупныхъ переизмѣнъ влекли болѣе или менѣе къ устоямъ стараго режима. Нѣкоторые усматривали даже въ утвержденіи началъ правового государства въ Россіи опасное отступленіе отъ основъ нашей государственной жизни.

Между тѣмъ, болѣе сорока лѣтъ прошло со времени реформъ шестидесятихъ годовъ, подготовившихъ Россію къ воспріятію основныхъ началъ правового государства, безъ которыхъ не можетъ нормально развиваться политическая и общественная жизнь современныхъ народовъ! Утверждая гражданскую свободу и обеспечивая дѣятельное участіе общественныхъ силъ въ государственномъ строительствѣ, реформа, предвозвѣщенная манифестомъ 17 октября 1905 г., должна была создать необходимыя условія для развитія народныхъ силъ и политической мощи имперіи, образовать и то единеніе элементовъ власти и населенія въ государствѣ, прогрессирующее разобшеніе которыхъ «столь пагубно», по словамъ манифестовъ 26 февраля 1903 г., 6 августа и 17 октября 1905 г., отражалось на правильномъ теченіи государственной жизни.

Но, если можно утверждать, что подавляющее большинство русскаго общества было единодушно въ оцѣнкѣ благотѣльнаго политическаго значенія возвѣщенной въ манифестѣ 17 октября реформы, то въ пониманіи юридическаго значенія этого акта мнѣнія весьма расходились уже съ самаго появленія манифеста 17 октября. Значительная часть общества полагала, что съ изданіемъ манифеста 17 октября совершился тѣмъ самымъ юридически переходъ Россіи къ конституціонному строю. Это мнѣніе поддерживалось и обосновывалось и нѣкоторыми нашими учеными юристами¹⁾. Но въ то же время многіе сомнѣвались въ правильности такого истолкованія манифеста и даже прямо утверждали, что манифестъ 17 октября, судя по тексту его, лишь категорически предпрѣдѣлилъ реформу на указанныхъ въ немъ началахъ, но не-

¹⁾ Особенно обстоятельно отстаиваетъ это мнѣніе Э. Э. Кошкинъ въ статьѣ «Юридическая природа манифеста 17 октября» въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» 1913 г., кн. I.